

Изъ архива князя Л. А. Ухтомскаго ¹⁾.

1851 годъ.

22-е марта.

Вчера корветъ легъ въ дрейфъ, и я поѣхалъ въ Адлеръ для опроса о благополучіи крѣпости, а также затѣмъ, чтобы заготовить свѣжей провизіей. Шлюпкѣ надо было идти до берега верстъ шесть. На половинѣ дороги пошелъ туманъ и править приходилось на удачу. Всякое мѣсто, куда бы мы ни пристали, кромѣ одной точки, могло быть атаковано горцами. Хотя у насъ были орудіе и ружья, но все-таки мы безпокоились. Къ счастью, ничего не случилось—и мы пристали къ укрѣпленію. Мѣстоположеніе Адлера, какъ всякаго мѣста Кавказа, живописно. Горы были еще покрыты снѣгомъ, но зелень на нижнихъ холмахъ уже распустилась, персики и абрикосы цвѣли. Какія страшныя противоположности! Посреди этой роскошной природы, на берегу моря, кажется, тутъ-то и жить. Но вышло иначе. Постоянныя лихорадки мучаютъ наши войска, положеніе которыхъ безъ того незавидное. За полверсты отъ укрѣпленія никто не можетъ быть безопасенъ, почему всѣ сидятъ въ четырехъ стѣнахъ. Пища тоже не роскошная. Все зависитъ отъ расположенія горцевъ, и такъ какъ теперь они въ непріязненномъ положеніи, то солдаты ѣдятъ солонину и сухари. На дняхъ комендантъ Адлера съ отрядомъ изъ ста человекъ ходилъ въ горы, чтобы разсѣять убыховъ, собранныхъ эмиромъ. Походъ его былъ удаченъ: онъ выжегъ огромный аулъ и взялъ въ плѣнъ одно семейство. Мы нарочно ходили смотрѣть на нихъ. Вообрази

¹⁾ См. „Русская Старина“ мартъ 1911 г.

картину. Старуха-мать и дочь, лѣтъ шестнадцати, сидѣли въ комнатѣ. Мальчикъ лѣтъ семи и дѣвочка лѣтъ восьми сидѣли на порогѣ, полунагіе. Ребенокъ, дѣвочка лѣтъ двухъ, лежала безъ памяти: какая-то шальная пуля ранила малютку. Еще старуха стояла около печки и охала. Намъ сказали, что это—одно семейство, а старуха изъ числа слугъ. Вдругъ въ укрѣпленіи—суматоха: увидѣли пароходъ, который идетъ сюда. Всѣ одѣваются въ форму, чтобы явиться начальнику берегой линіи; всякій изъ офицеровъ ждетъ чего-нибудь—кто писемъ, кто новостей, всѣ бѣгаютъ, всѣ хлопчуть. Въ послѣдній разъ пароходъ былъ здѣсь въ декабрѣ мѣсяцѣ; въ остальное время обитатели укрѣпленія не имѣли никакихъ свѣдѣній. Мы тоже пошли на берегъ. Толпа мирныхъ имеретинцевъ, въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ, полу-нагихъ, а нѣкоторые въ звѣриныхъ шкурахъ, собралась на пристани. Будбергъ, въ полной кавказской формѣ, со своей свитой, принималъ донесеніе отъ коменданта. Эта сцена какъ будто-бы вырѣзана была изъ французской иллюстраціи. Пока матросы носили провизію на шлюпку, наливались водой, мы зашли опять къ плѣннымъ. Всѣ они были въ слезахъ; непрерывные стоны наполняли комнату. Новая толпа любопытныхъ смотрѣла на нихъ, какъ на новооткрытую породу звѣрей. Мы спрашиваемъ: „Что это значить?“ Одинъ имеретинъ объясняетъ намъ, что на пароходѣ прибылъ горецъ изъ Сочи и сказалъ, что отецъ ихъ убитъ въ стычкѣ, а братъ лежитъ тяжело раненый. Когда мы вошли въ другой разъ, молодая черкешенка была чѣмъ-то сконфужена, все поправляла свое красное платье, шитое золотомъ, и шитую мантилью; на лѣвой рукѣ у нея было кольцо. Мать сидѣла въ сторонѣ, убитая горемъ. Раненая малютка все еще спала. Но, какъ была хороша молодая черкешенка! Правильныя черты лица, темно-голубые глаза и локоны свѣтло-каштановыхъ волосъ. Блѣдность, истомленіе дѣлали ее еще интереснѣе.

Многіе изъ офицеровъ удивлялись, что она плачетъ, говорили ей, что имъ, плѣннымъ, будетъ здѣсь хорошо и проч. Жалкіе люди! Они вѣрно не понимаютъ любви къ родинѣ. Они, вѣроятно, не въ состояніи вообразить плѣнъ семейства, у котораго все погибло, не исключая защитниковъ!.. Въ одинъ и тотъ же часъ я видѣлъ два трагическіе момента въ жизни этого семейства: первый, когда они еще не знали о гибели своихъ родныхъ, можетъ быть, мечтали о томъ, какъ-бы дать имъ о себѣ извѣстіе; второй—послѣ извѣстія о смерти отца и брата. Жалко, что я забылъ спросить, какъ рѣшилъ Будбергъ: отдадутъ ли ихъ, или оставятъ въ плѣну. Я думаю, что отдадутъ: вѣдь русскіе не воюютъ съ женщинами“!..

27 марта.

„Вчера, перебирая старыя бумаги, я нашелъ тетрадь моихъ записокъ 1846 года, когда я былъ еще гардемаринномъ, въ кампаніи, на фрегатѣ „Церера“. Случай, по которому это было написано, вѣроятно, былъ тотъ, что я, видя жалкое положеніе матросовъ, думалъ о томъ, какъ бы улучшить это положеніе.

Вотъ что я тогда писалъ:

„Сію минуту мнѣ пришла единственная мысль улучшения благосостоянія матросовъ. Я вообразилъ, что я—экипажный командиръ, что я, тотчасъ же по принятіи экипажа, собираю всѣхъ моихъ матросовъ и говорю имъ: „Ребята! Зная ваши недостатки, я пришелъ поговорить съ вами о перемѣнѣ, которая навѣчно улучшить состояніе ваше. Вотъ въ чемъ дѣло. Согласны ли вы отдѣлять отъ вашего жалованья по нѣскольکو копѣекъ и собранную сумму ввѣрить моему распоряженію? Во-первыхъ, я увеличиваю ее присоединеніемъ моихъ денегъ въ вашу же пользу. Во-вторыхъ, я пушу этотъ капиталъ въ оборотъ, сдѣлаю какое-нибудь заведеніе, въ которомъ торговлю ввѣрю искуснѣйшимъ изъ васъ, такъ что лѣтъ черезъ пять наша сумма возрастетъ до огромнаго капитала, части котораго будутъ употребляться на ваши надобности. Многіе изъ васъ иногда нуждаются въ деньгахъ для помощи своимъ семействамъ или для родныхъ, но, къ несчастью, вы не можете помочь имъ. Теперь же вы получите эти деньги съ доказательствами вашей надобности и съ нѣкоторыми условіями. Потомъ, вы знаете неудобства помѣщенія въ госпиталяхъ. Здѣсь же вы найдете всѣ удобства. Вы вѣрно видѣли много примѣровъ, что матросы, выходя въ отставку, не имѣютъ чѣмъ жить. Но тутъ васъ будутъ содержать на счетъ капитала, а вы будете поддерживать торговлю. Наконецъ, ежели кто изъ васъ будетъ раскапваться въ томъ, что положилъ свои деньги, то ему немедленно выдадутъ ихъ съ большими процентами“.

Я воображаю, что мое предложеніе принято, согласіе дано, и все, о чемъ я мечталъ и говорилъ, приходитъ въ порядокъ; планъ осуществляется, меня всѣ любятъ; матросы называютъ „отцомъ“. Между тѣмъ, мои средства растутъ; я уже въ состояніи имѣть свои суда и посылать ихъ для успѣха торговли новаго общества. Вотъ уже я славнѣйшій человѣкъ въ морѣ, не считая выгодъ примѣра и пользы отечеству“.

Вчера вечеромъ мы по обыкновенію сидѣли послѣ ужина съ Павломъ Александровичемъ, и я рассказывалъ ему эту идею. Конечно, онъ нашелъ въ ней много прекраснаго и замѣтилъ, что чѣмъ мы моложе, тѣмъ въ насъ болѣе добра и самоотверженія, чѣмъ болѣе старѣемъ — тѣмъ дѣлаемся хуже. Поэтому, будемъ

раньше готовиться къ этой ужасной, все - убивающей, старости, не будемъ разбрасывать свои силы по-пустому, говоря: „Живи, пока живется! Придетъ время, когда онѣ понадобятся“.

Возвращаясь къ идеѣ, мною изложенной, я вижу, что она не умирала у меня въ продолженіе этого времени, но только измѣнилась, принявъ другой оборотъ. Въ доказательство, приведу два примѣра, которые недавно были у меня въ головѣ, очень недавно. Первый изъ нихъ.—Ежели бы всѣ офицеры положили свое жалованье, напримѣръ, человѣкъ сто, и эту сумму въ сто тысячъ пустили бы въ оборотъ, то общество имѣло бы тысячи выгодъ, т. е. прекрасный столъ, удобныя квартиры, свою библіотеку, залу для гимнастики, литературные вечера; члены общества могли бы на общественный счетъ ѣхать въ отпускъ, посылаться за оказанныя услуги за границу и проч. и проч.

Второй предполагаемый планъ моей жизни. Я думаю съ чиномъ капитанъ-лейтенанта выйти въ отставку и отправиться путешествовать пѣшкомъ, года на три или четыре; потомъ воротиться на родину, быть владѣтелемъ „Богданиковъ“, жениться—ежели судьба приведетъ, а не то посвятить себя сестрамъ и начать тихую, обворожительную жизнь. Днемъ—какія-нибудь занятія въ полѣ (я бы самъ обрабатывалъ садъ или занимался ремесломъ); а вечеромъ—общее чтеніе или бесѣда около огонька, въ кругу друзей; иногда поѣздка въ городъ; хорошая библіотека.—И какъ-бы хорошъ былъ этотъ міръ!.. На крестьянъ я обращалъ бы вниманіе самое полное, все бы отдавалъ имъ, чтобы только они были довольны; постепенно приучалъ бы ихъ быть людьми свободными, а не рабами. И потомъ, по выслугѣ извѣстнаго числа лѣтъ, напримѣръ пяти, я освободилъ бы лучшихъ изъ нихъ. И такъ кругомъ меня составилось бы новое общество людей, родныхъ мнѣ во всемъ, которые были бы счастливѣе меня! Дѣти ихъ также учились бы вмѣстѣ съ моими. О! Чудныя мечты! Какой благодѣтельный геній поможетъ мнѣ привести ихъ въ исполненіе“?!

19 іюля. Севастополь.

— „Сегодня былъ самый тяжелый день изъ всей нашей кампаніи. Солнце жгло невыносимо. Мы, затаенные съ утра въ полную парадную форму, ждали смотра. Всѣ занятые службою, бѣгаютъ, хлопчуть. А я, закинувши назадъ руки, ходилъ взадъ и впередъ по палубѣ, не чувствуя жара, позабывъ о службѣ и весь погруженный въ мысли о ней... Вчера встрѣтился со мной Нахимовъ. Онъ былъ по-прежнему добръ, внимателенъ, спрашивалъ о моей кампаніи и, прощаясь, сказалъ, что надѣется, что я черезъ день пойду въ море, потому что мнѣ здѣсь нечего дѣлать. Ежели бы онъ зналъ,

что меня удерживаетъ на берегу! Но я не сказалъ бы ему этого. На время я измѣняю морю, оставляя всѣ его прелести и непостоянство, потому что я нашелъ ему соперницу, которая не уступить морю ни въ прелести, ни въ вѣтренности...“

21 августа.

— „Вчера совершенно нечаянно я слышалъ подробности заговора Петрашевскаго, который надѣлалъ столько шума въ Россіи. Петрашевскій—человѣкъ умный, образованный, съ полнымъ желаніемъ добра Россіи, не составлялъ никогда никакого заговора. Какъ у человѣка богатаго, у него собиралось много молодыхъ людей и составлялись вечера—литературные или музыкальные, которые оканчивались прекрасными ужинами. Изъ ихъ общества изгнаны были карты—эта зараза, которую хотятъ распространить между нами, на нашу же гибель. Иногда говорили о политикѣ, но собственно о политикѣ иностранной, которая была интересна для всякаго, о французской революціи и предстоящей Венгерской кампаніи. Несмотря на всю невинность этихъ собраній, тайная полиція Орлова уже давно слѣдила за ними и, не видя тутъ ничего важнаго, оставляла ихъ въ покоѣ. Ничего бы не вышло изъ этого, ежели бы сюда не вмѣшалась контра Лепанди противъ Орлова. Лепанди былъ тоже начальникъ тайной полиціи, но по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Желая уронить Орлова въ глазахъ Государя, онъ доноситъ вдругъ о заговорѣ. Государь, обращаясь къ Орлову, говоритъ: „Ты ничего не знаешь. У тебя въ Петербургѣ—заговоръ“.

„Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Величество!—говоритъ тотъ. Заговора нѣтъ. Я давно слѣжу за собраніями молодыхъ людей, которые не предпринимаютъ вреднаго“. Наканунѣ манифеста объявленія войны Венгерской у Петрашевскаго былъ обѣдъ. Говорили о предстоящемъ манифестѣ, что Россія дѣлаетъ дурно, вступаясь въ дѣла Австріи, которая постоянно надувала насъ. Между прочимъ, одинъ изъ присутствующихъ прочелъ анекдотъ о Государѣ, когда тотъ встрѣтилъ въ кабакѣ двухъ матросовъ; далѣе—исторія цѣловальника. Нѣкоторые говорили, чтобы анекдотъ напечатать. „Но какъ же?“ замѣтили справедливо другіе: „Цензура не пропуститъ. Ежели бы у насъ была тайная типографія—тогда—дѣло другое“. Тѣмъ разговоръ и кончился. Лепанди, слѣдя съ единственной цѣлью погубить, доноситъ вечеромъ обо всемъ Государю. Тотъ, разсерженный, что даже знаютъ о предстоящемъ манифестѣ, велѣлъ взять всѣхъ, какъ заговорщиковъ. Ихъ посадили всѣхъ въ казематъ. Назначена была комиссія—изслѣдовать. И кого же

назначили!..—Тѣхъ самыхъ, которые донесли, именно Лепанди Ростовцева и другихъ...”

10 сентября.

— Сегодня я получилъ письмо отъ отца: „Я уже старъ и дѣла наши въ безпорядкѣ. Мнѣ нуженъ помощникъ. Приѣзжай! Мы потолкуемъ“.—Этотъ намекъ меня огорчилъ. „Такъ я долженъ все бросить!“ думаю я. Чтобы развлечься, я пошелъ въ библіотеку; но слова мелькали въ глазахъ, а мысли были далеки. Перелиставъ, не читая, почти всѣ журналы, я пошелъ гулять. Погода была чудесная; море—живописное, воздухъ чистъ по обыкновенію. И все это я долженъ оставить—всѣ мѣста, которыя дали мнѣ новую жизнь, всѣхъ людей, съ которыми сроднился, и тебя, К—а, которая въ настоящее время мнѣ дороже всего на свѣтѣ. Запереться въ глуши, среди хлопотъ, вѣчнаго холода и прочее! Да, такой переходъ—тяжелъ!

Что же, отецъ—правъ: онъ—старъ и слабъ для управленія разстроеннымъ имѣніемъ. Ему надобенъ помощникъ, и по всѣмъ законамъ онъ имѣетъ право потребовать меня. Остальные сыновья—трое—на службѣ отечеству, четвертый—готовится. И такъ, мои мечты могутъ осуществиться. Я буду отцомъ и братомъ окружающихъ, ихъ просвѣтителемъ. Можетъ быть тутъ я принесу пользу больше братьевъ. Вся моя душа, всѣ способности будутъ тамъ, но сердце—въ Севастополѣ. Вотъ уже началась моя патріархальная жизнь: я самъ обрабатываю сады, работаю въ полѣ или дома, а, во время отдыха, читаю Цицерона, Платона или Гомера. На мнѣ—грубое платье. Но я буду стараться дѣлами и поступками отличаться отъ другихъ. Пища моя будетъ самая простая: молоко, хлѣбъ или фрукты. Ежели же я не буду нуженъ въ семействѣ, или возьмутъ Сашеньку, то я, не требуя ничего изъ дому, буду въ состояніи содержать себя службой, завести со временемъ дачу на южномъ берегу, побываю за границей, образую по своему вкусу библіотеку. Тутъ уже другая картина. Черезъ мѣсяць участь моя рѣшится“.

23 сентября.

— Это ужасно!—Два дня мой журналъ былъ у нея и хоть бы одно слово гдѣ-нибудь въ утѣшеніе!”

24 сентября.

Вчера и сегодня весь городъ въ движеніи; ждуть великихъ князей. Вездѣ готовятъ иллюминацію. Въ собраніи—балъ. Войска готовятся къ смотру. Мы на шлюпкахъ выѣдемъ на рейдъ—встрѣчатъ пароходъ. До обѣда я читалъ въ библіотекѣ объ іезуитахъ, которые снова начинаютъ усиливаться во всей Европѣ, читалъ

проповѣдь Филарета Московскаго о свободѣ и удивляюсь, что чело-
вѣкъ съ такимъ умомъ говорить такой вздоръ. Вечеромъ я былъ
съ нею на горахъ. Внизу все двигалось назадъ и впередъ—въ ожи-
даніи великихъ князей. Право, грустно... Неужели люди всегда
жили такъ скучно и пошло, какъ мы живемъ теперь! Всѣ скучаютъ;
всякій съ нетерпѣніемъ ждетъ, чтобы прошелъ какъ нибудь день.
Вездѣ натянута. Всѣ чувства, всѣ слова—ложны. Посмотрите! Вотъ
вошли эти юноши, для которыхъ готовился весь городъ. На
улицахъ—крики „ура“!, шумъ экипажей. Въ залѣ ихъ встрѣчаетъ
музыка. Всѣ столпились около нихъ. И, повѣрьте, что всѣ ску-
чаютъ. Публика успѣла разсмотрѣть ихъ лица. Имъ же давно
наскучили эти парадныя и блестящія встрѣчи. Всѣ скучаютъ, и,
между тѣмъ, вы не увидите ни одного скучнаго лица. Въ самомъ
дѣлѣ, отчего такъ скучны и вялы наши собранія?—Потому, что
мы, входя въ залу, только надѣли другое платье, въ то время,
какъ расположеніе духа осталось одно и то же. Эта праздность и
однообразіе сравнивали для насъ всѣ дни. Я не понимаю веселья
по заказу. Для меня страненъ этотъ парадный приѣмъ. Ихъ (вели-
кихъ князей) встрѣчали, какъ древнихъ героевъ, возвратившихся
послѣ покоренія царства. Удовольствія тогда только хороши, когда
они замѣняютъ трудъ и когда вы рады отдохнуть въ обществѣ.
Нѣтъ, вѣроятно, они позавидовали бы мнѣ. Ни балъ, ни музыка,
ни иллюминація не занимали меня: я стоялъ около нея, говорилъ
съ нею; глаза наши понимали другъ-друга, и я ничего не желалъ
больше. Въ самомъ дѣлѣ чувство любви такъ сильно овладѣло
мною, что я больше ни о чемъ не думаю—ни о книгахъ, ни о
службѣ, ни объ отпускѣ: все для меня исчезло, кромѣ нея... Да,
можетъ быть, эти дни не повторятся два раза въ жизни...“

2 октября.

— Сегодня день моего рожденія. Прошло то счастливое время,
когда этотъ день былъ для меня праздникомъ, когда я былъ еще
ребенкомъ. Для меня осталось одно воспоминаніе. Вотъ наступило
утро давно ожидаемаго дня. Еще чуть свѣтъ. Я проснулся и
тороплю свою няню, чтобы мое новое платье было выглажено,
шелковый поясокъ расправленъ, словомъ, чтобы все было готово.
Вотъ я умылся, прочелъ молитву, которой насъ учили, одѣлся и
жду съ нетерпѣніемъ, когда можно будетъ идти къ мамѣ. „Княжна
встала. Пожалуйте въ спальню!“—Мама еще сидитъ на постели.
Мы поцѣловали у нея руку. Другіе сѣли за уроки—французскаго,
нѣмецкаго, англійскаго языка, а я на этотъ день свободенъ. Мнѣ
поданы разные подарки, лакомства, и часа черезъ два я—за ма-

ленькимъ столомъ угощаю братьевъ и сестеръ. Въ этомъ было какое-то особенное удовольствіе, теперь для меня потерянное. Потомъ я цѣлый день имѣю право гулять, бѣгать, гдѣ мнѣ вздумается, и вечеромъ, ложась спать, я думалъ, скоро ли опять прійдетъ день моего рожденія?!—Какъ будто-бы я жилъ только для этого дня. Но вотъ прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ и уже меня не занимаетъ ни одна изъ тогдашнихъ радостей; ничто даже не напоминаетъ того, что окружало прежде. Мама, къ которой мы съ такимъ почтеніемъ и страхомъ входили по утрамъ, чтобы цѣловать ручку, въ могилѣ. Братья и сестры, которыхъ я угощалъ когда-то за маленькимъ столомъ, разбрелись по всѣмъ концамъ Россіи—кто въ Варшавѣ, кто въ Петербургѣ, кто въ Москвѣ. А я—въ Севастополѣ, выздоравливающій, сижу одинъ, на своей маленькой квартирѣ”.

Сообщ. А. В. Жиркевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

